

Когда-то давно, в пору моих занятий наружной рекламой, к нам в мастерскую зашел высокий молодой человек. С виду ему не было и тридцати, но тянул он на зрелого мужика, побитого не только крупным балтийским градом, но и жизненными неурядицами: усталое бурое

лицо, россыпь оспин на впалых щеках, в уголках рта точечные пунктиры коричневого налета.

– Толик, – представился незваный гость. – Мастер-универсал. Делаю все сам.

Мы были заняты срочным заказом, но все же отвлеклись на промокшего угрюмого посетителя, внимательно рассмотрели его нейлоновую куртку с капюшоном, растянутую горловину бордовой водолазки, затертые, некогда престижные кроссовки.

Держался Толик вполне уверенно. Сказал, что наружной рекламой начал заниматься на Камчатке, когда о существовании композитных материалов никто не знал, так вот, фанерой, оклеенной виниловой пленкой, он с товарищами обшил пол-Петропавловска – и ничего: конструкции выдержали испытание холодом, дождями и, видимо, временем.

Подобное утверждение прозвучало весьма подозрительно, но мы не стали спорить – рекламщики народ с ярко выраженным чувством уязвленного самолюбия – и записали номер мастера-универсала.

Наше агентство набирало обороты. Лаконичный почерк «Зебры» становился узнаваемым. Основные заказы тогда поступали по каналам Павла – нашего директора и учредителя, но далеко не последнюю роль в выборе подрядчика клиенты отдавали наработанному имени компании, а оно у нас в городе звучало достаточно громко. Случалось, мы засиживались в цеху допоздна или вообще ночевали на работе – сроки приходилось выдерживать, особенно если звонили постоянные заказчики или люди по их рекомендации. В один из таких авральных дней, когда нас ужаснула безрадостная перспектива завалить открытие универсама, мы вспомнили про Толика. Звонок таинственному умельцу с Дальнего Востока был рискованным, но мы все же пригласили

его на помощь. Оказывается, Толик жил рядом с нашим офисом.

В цеху он появился после двух. Быстро вник в задание, попросил отдельный стол у окна и доступ к чайнику. Трудился он почти три часа с перекурами, около пяти засобирался. Объем работы, который мы ему вынужденно спихнули, Толик перемолотил оперативно и оставил кое-что на завтра.

– Мне пора, – сказал он, закуривая на крыльце. – Завтра к часу все будет сделано. Готовьте еще.

Мы переглянулись в недоумении.

– Может, сегодня закончишь? – спросил озадаченный Павел. – Тебе тридцать табличек клеить. Послезавтра открытие магазина.

– Тут полтора часа работы, – успокоил нас Толик. – К обеду закончу. Что, кстати, с расчетом?

Павел несколько растерялся:

– Ты сначала выполни заказ, потом посчитаем.

– Надо договариваться заранее, – поучительно заметил мастер и, раскрыв зонт, растворился в людском потоке под осенним дождем.

На следующий день Толик заявился в двенадцатом часу. Осмотрел гору пластиковых заготовок, покурив в задумчивости на улице. Без пятнадцати два таблички были готовы.

– Что по деньгам? – спросил универсал, допивая остывший чай.

Павел озвучил сумму.

– Маловато, – поморщился недовольный работник. – Два дня драгоценного времени, считай, прошли впустую.

– Мы платим по прайсу. Он одинаков для всех сотрудников, – настаивал Павел.

– А качество и скорость вы учитываете? – не желал отступать Толик. – Другой бы три дня провозился с заказом. И непонятно, что бы из этого вышло.

По-своему он был прав. На эту работу мы бы затратили времени больше, правда, без ущерба для качества. За уровнем продукции мы следили.

Павел поступил дипломатично. Учитывая, что в дальнейшем Толик мог нам пригодиться, директор отправил его в бухгалтерию за небольшой премией.

В следующий раз мы обратились к Толику за пару дней до открытия автосервиса. Он согласился нас выручить, но предупредил, что работать будет дома, поскольку застудил спину и больше недели не появлялся на улице. Мне пришлось взять заготовки и поехать к нему.

Толик жил в квартале немецких домов довоенной постройки, в десяти минутах от нашего офиса. Деревянная дверь с характерной прорезью и шильдиком *Briefe und Zeitungen*¹ сохранилась в первозданном виде от прошлых хозяев, не считая грубых слоев краски, затмивших великолепие резного полотна. Однако внутри квартиры все оказалось неожиданно прозаично. В коридоре висел удушливый табачный смог, живший в доме на правах постоянного квартиранта. Пахло продуктами жизнедеятельности котелкового отопления и чем-то еще несвежим и неприятным. Было тесно и, мягко говоря, неудобно. Толик докуривал сигарету и ждал меня в коридоре, пока я таскал на третий этаж заготовки. Закутанный в бабушкин пуховой платок, он периодически потирал ладонью поясницу.

Я снял обувь и заглянул в комнату. За порогом протиснулся между низким креслом и журнальным столиком и выбрался на тропинку, усыпанную газетами и скомканными бумажками. По этой замусоренной стезе Толик просачивался к окну, если осмеливался отодвинуть тяжелую мешковатую штору и впустить свет в зловещий периметр своего обитания. В обстановке тотального погрома

¹ Briefe und Zeitungen – письма и газеты (нем.).

я собрался с мыслями и объяснил Толику требования к срочному заказу. Он слушал меня внимательно, изредка кашляя и охая от нахлынувших резей в спине. Я же, на автопилоте проговаривая задание, хотел быстрее попасть на свежий воздух.

– Все ясно, – спокойно резюмировал Толик. – Завтра к вечеру заберете ваши таблички. Осталось решить вопрос с оплатой.

Я назвал сумму.

– Не пойдет, – возмутился простуженный спец, открывая новую пачку сигарет. – Работа срочная, ответственная. Надо добавить.

– Работа простая, непыльная, – уточнил я и осмотрелся по сторонам. Сквозь летучие туманные взвеси проглядывали очертания книжных полок и яркие, несмотря на расплывшийся полумрак, рисунки, приколотые к выгоревшим обоям.

Я позвонил Павлу.

– Соглашайся на его условия, – бросил он раздраженно. – У нас нет времени. – И приказным тоном добавил: – Проавансируй хлопца.

Я выполнил указание директора. Оставлять деньги в подозрительной конуре, хозяин которой мог сорваться с цепи в любой момент, было опрометчивым шагом. Павел об этом не знал. Своими впечатлениями о визите к Толику я поделился с шефом на улице, глотнув живительной прохлады.

– Думаешь, исчезнет с деньгами? – спросил он, терпеливо выслушав мой рассказ.

– Все может быть, – сказал я неуверенно.

На следующий день я позвонил Толику в пять вечера. Он не ответил. В течение двух часов я безуспешно набирал его номер, пока Павел не принял решение поехать к нему вместе со мной.

– Сколько раз зарекался давать деньги вперед, – сокрушался он, сорвавшись с места на желтый. – Что мы за народ? Без денег работать не хотим, с деньгами работать не заставишь!

У квартиры Толика мы проторчали полчаса. Я истязал кнопку звонка, Павел долбил в дверь кулаком. Жители верхних этажей посматривали на нас с недоверием: к нерадивому соседу пришли агрессивные личности. Наконец, когда мы умерили пыл и собрались уйти, за дверь послышались шаги.

– Кто? – спросил недобрый глухой голос.

– Мы из «Зебры», – пояснил Павел. – Толик дома?

Ключ в замке дважды провернулся против часовой стрелки, дверь приоткрылась и уперлась в натянутую цепочку.

– За табличками? – спросил Толик, часто моргая большими глазами из крошечной темноты. Казалось, он разглядывал нас из другого, потустороннего мира.

Повторная экскурсия по закоулкам бытия непонятного персонажа меня не прельщала, но я проследовал за Павлом. В какой-то момент я подумал, что вряд ли стоило вступать с Толиком в деловые отношения – можно было выгрести со срочной сдачей заказа как-нибудь по-другому.

В отличие от меня, Павел оказался не столь восприимчивым к беспорядку. Он сделал вид, что погруженная в сумрак, насыщенная неприветливыми ароматами квартиры его мало беспокоит. (Впрочем, скорое открытие автосервиса действительно волновало директора намного больше обстановки, в которой он неожиданно очутился.)

– Вот ваш заказ, – безразлично сказал Толик и, зевая, тяжело осел в кресло.

Павел пересчитал таблички, затем покрутил их под тонким лучом света, проникавшим в комнату сквозь

прожженную дыру в складчатой шторине, похожей на большую летучую мышь.

Мы остались довольны исполнительским мастерством Толика.

– Звоним тебе с пяти часов – не отвечаешь. – Павел освоился в незнакомом помещении и сел на край неубранного дивана.

– Спал я. – Толик потянулся, издав дрожащий мурлыкающий звук. – Всю ночь пыхтел.

– А это что? – спросил Павел. Взгляд его привлекли сочные рисунки на ватманской бумаге, рассеянные по бугристой стене.

– Это мои эскизы, малая часть эскизов, – сквозь зубы процедил Толик и с трудом закинул ноги на журнальный столик. Спина все еще его беспокоила. – В серванте на верхней полке лежат три папки. Можете посмотреть.

Подойти к стеклянной дверце, за которой вразнобой пылились картонные папки и книги, не представлялось возможным. Павел отодвинул второе кресло, заваленное всяческим хламом, и следом – нечто массивное, издавшее резкий металлический скрежет.

– Аккуратно, швейная машинка. «Зингер», – предостерег директора от неосторожных движений Толик. – Предвоенная модель, досталась от немцев.

Из-под толстых книг Павел вытащил две папки, набитые разноформатными листами. На ватмане, иссеченном тонкими линиями фломастера, были вычерчены модели автомобилей из далекого будущего: хищные, обтекаемые силуэты, аэродинамические формы, авангардная, флуоресцентная раскраска, в общем, каламбур смелых авторских идей, заключенных в профессиональном графическом дизайне.

– Ого! – вырвалось у Павла. – Смелый полет фантазии!

– Это все твое? – спросил я, раскладывая на диване впечатляющие наброски.

– Мое, – шепнул размаятый Толик.

– Внедрить не пробовал? – поинтересовался Павел.

– Пытался. – Толик заворочался в кресле. Он был в мохеровом банном халате, надетом на спортивную кофту. – Без толку все. По крайней мере, пока. Два года назад отправлял в «Пежо» эскиз задней форточкой для малолитражки. – Толик потянулся за пепельницей. – Недавно залез в интернет: моя форточка пошла в производство на рестайлинговой модели.

– Патентовать надо, – поучительно заметил Павел.

Я спросил:

– Ты уверен, что украли твою идею? Может, эту деталь разработали до твоего изобретения?

– Идея моя, от и до, – поежился в кресле Толик. – Что с расчетом? Мне надо в аптеку за мазью. Спина замучила.

Павел протянул деньги. Личность мастера, как и его профессионализм, не вызывали больше сомнений.

Так Толик постепенно прижился в нашем агентстве.

Начал он достаточно лихо. Приходил около десяти, перекуривал, мелкими глотками дегустировал капучино и решительно подходил к столу, заваленному чертежами и пленками. Работал он быстро. Порой наш снабженец, увязший в пробках, не успевал подвозить ему материалы. Транжирить свое время Толик не любил. Ему было проще уйти домой или по делам, чем дремать в цеху, как это делали другие. Утром, дорвавшись до материалов, он наверстывал упущенное.

Через пару месяцев после начала трудовой деятельности Толик потребовал повышения зарплаты.

Павел в очередной раз задумался, на выходные взял тайм-аут, а в понедельник пошел на уступки. Мастер гипнотизировал его своими способностями, но главное – скоростным выполнением заказов. С виду трудился Толик не спеша, без видимых усилий, в процессе работы несколько

раз выходил в магазин за соком, шоколадными батончиками и сигаретами. После обеда, часа за два – за три до окончания рабочего времени, начинал переодеваться – план был выполнен; мы же продолжали копошиться в цеху.

Как-то после монтажа Толик сказал:

– Моя должность – минимум исполнительный директор. Работаю за троих – и никакого поощрения. Пол-агентства у вас – откровенный балласт. – Толик нервно курил. – Никакой культуры труда, собрались одни бракоделы, – он предъявил мне сточенное сверло по металлу, – портят инструменты, переводят дорогой материал, а зарабатывают больше меня.

– Ты работаешь меньше других, – пытался вразумить я ворчливого мастера.

– При чем тут рабочее время? – рассвирепел Толик. – Я выполняю все быстро и качественно. Есть возражения? Я не ответил.

Толик продолжал кипеть:

– Еще и рассекретил несколько технологий ускоренного монтажа. За авторскую разработку надо платить.

Собственно, на этой разработке он и погорел. Мы так и не поняли, почему пластиковые буквы над мебельным салоном ветер под корень вырвал с утепленного фасада. Подобный способ крепления был доведен у Толика до автоматизма. После ЧП споры разгорелись жестокие и драчливые. Новатор грешил на клей, который ему подсунул снабженец, не потрудившийся заранее съездить на отдаленный склад. Заказчик, знавший Павла персонально, направил в наш адрес грозную претензию. Толик отбивался как мог, валил все на клей, снабженца и дождливую погоду, а когда узнал, что из его зарплаты вычли внушительную сумму, затребовал экспертизу. Сделал это он зря. Технологию признали непригодной для монтажа полимерных изделий в фасадные утеплители. Толик

не согласился с вынесенным вердиктом – в своих разработках он был уверен.

Взвинченный и гордый, мастер оседлал любимый велосипед и, пригрозив нам неприятными последствиями, укатил в неизвестном направлении.

Через два года Толик вновь появился в «Зебре». Он заметно располнел, отпустил стильную колючую бородку, коротко подстригся. Выглядел он как всегда: мятущейся личностью без определенных занятий.

– Готов взяться за любую работу, – виновато пробубнил Толик в кабинете у Павла. – Деньги нужны.

– По тебе не скажешь: округлый, упитанный, – верно подметил директор.

Толик отнесся к себе критически:

– Немного раздался. Отъелся на бабушкиных обедах. На Камчатку летал.

К тому времени в городе расплодилось полно рекламных агентств. Конкуренция была жесточайшей. Зарботки упали. Безработные рекламщики кочевали по фирмам в поисках заказов, и тут к нам заглянул еще один озабоченный специалист, да еще с подмоченной репутацией.

Добродушный Павел смилостивился над Толиком.

– Могу взять только на сдельную работу. Времена сейчас непростые, – сообщил он без особого энтузиазма. – Штат сокращаем, обороты падают. Будут заказы – позвоним.

Авралы тогда случались нечасто, но все же после введения торгов на поставку материалов и подрядные услуги мы цеплялись за выгодные предложения. Павел неоднократно выигрывал аукционы, правда, для победы ему приходилось существенно снижать цены. Работали мы на минимуме собственных интересов.

Толику Павел позвонил, когда нам выпал заказ для миграционной службы. Больше сотни информационных

стендов с установкой в областных отделениях. Сжатые сроки, ничтожная выгода.

С прежним усердием Толик взялся за дело. Работал в своем стиле. Резво и четко. Только на сей раз его хватало максимум на два часа. Потный, запроваженный крепким кофе, после обеда он откладывал заготовки и, отвечая на звонки новых друзей, исчезал до утра, которое у него начиналось в двенадцатом часу дня. В дверях Толик говорил: все будет сделано вовремя, оснований для беспокойства нет.

Павла это не убедило. Он повел себя умнее. В итоге часть работы Толика перепала стажеру.

Утром Толик зашипел на шефа:

– Ты кого больше ценишь? Меня или этого сопляка? Сколько раз я вас со дна вытаскивал, – не успокаивался буйный умелец. – Говорю, успею.

– Я больше по твоим правилам не играю, – огорчил Толика Павел. – Хочешь, сейчас получишь расчет. – И, не отвлекаясь от монитора, подытожил: – Рабочее место за собой убирай.

На следующий день Толик явился в одиннадцатом часу и дотерпел до трех. С потерей части заказа ему пришлось смириться. Уборку рабочего места он также изобразил: подмел пол вокруг стола, к бардаку на столешнице не прикоснулся, объясняя нагромождение пластика, фольги, кофейных стаканчиков и всевозможных обрезков творческим беспорядком и тем, что залежи хлама никак не влияют на его «скорострельность».

Друзья Толика заезжали за ним обычно к обеду. Все они были похожи друг на друга: катались на гремящих раздолбанных машинах и в основном ничем особо не занимались. Свободного времени у них было полно, но ждать Толика они не собирались. Дождаться приятеля, когда в планах значилась групповая поездка на дачу, в их

кругу считалось дурным тоном. Звонки другу сыпались один за другим, если он «задерживался» на работе. В такие моменты Толик ускорялся, традиционно обещал вовремя закончить работу и мгновенно испарялся, как уайт-спирит, которым мы стирали разметку с табличек.

Он очень ценил свое время – и особенно время, проведенное в компании. Если свалившийся заказ вступал в противоречие с интересами коллектива, Толик выбирал выезд на дачу. Шашлыки среди недели в окружении перспективных друзей он считал верхом блаженства, на дорогие ликеры тратил последние деньги. Нередко друзья приводили ему юных леди, иногда преподносили их в дар по праздникам и в дни рождения. Как правило, приглашали к нему вчерашних школьниц, худощавых и плоских, так сказать, без сучков, но с задоринкой.

Объясняя рискованные интимные похождения, Толик как-то признался:

– Выхода нет, без бабы живу.

– Женщину нужно уметь содержать. У тебя это не выйдет. Ты элементарно ленив, – расстроил я холостого коллегу. – Поищи разведенную с ребенком. У таких обычно есть какой-то бюджет: алименты, помощь родителей, подруг. Молодую смазливую не осилишь. Да и сам ты далеко не плейбой, без жизненного задела, хоть и с идеями. Женщины идейных не любят.

Толик воспламенился:

– Жить со старухой? Да еще воспитывать чужих детей... Ты обо мне не лучшего мнения.

Я не стал продолжать эту тему. Спорить с ним было бессмысленно. После возвращения с Камчатки Толик стал удивительно упертым. Лишать себя жизненных удовольствий ради отдаленного материального благополучия он не планировал. Папки с разработками концепт-каров, катков, движущихся на потайных колесах к местам укладки

асфальта, эргономических стульев и кресел валялись в его подвале вместе с макулатурой и старыми книгами, а может, бесследно исчезли.

Активность Толика угасла в преддверии отъезда Павла в Германию на ПМЖ. Мастер понял, что цедить крохи из увядающего бюджета фирмы – занятие бестолковое, и в очередной раз гордо исчез. На этот раз навсегда.

Недавно я встретил его на улице. Не виделись мы лет десять, если не больше. Поначалу я задумался, Толик ли это: толстый, щекастый, подпоясанный широким ремнем, пугающим полусферу грузного живота?

Мужчина вел за руку говорливого мальчугана, который вприпрыжку следовал за отцом. Рядом вышагивала мать – полная, широкоплечая, окрашенная в цвета поздней осени. Она дымила сигаретой и неохотно общалась с мужем.

– Толик? – спросил я, приблизившись к невеселой семейке.

Мужчина обернулся.

– О, старик! – узнал меня мастер-универсал. – Бывают же такие встречи! Я думал, ты где-то далеко, выпорхнул на волю из нашей консервной банки.

– Я – здесь. Уехал Павел. Живет в Берлине.

Толик подтолкнул сына к жене:

– Иди к маме. – И, подтянув пожеванные джинсы, живо заинтересовался: – Чем занимаешься? Рекламой?

– Пишу статьи, рассказы, веду блог, интересуюсь копирайтингом, – поделился я своими пристрастиями. – А ты чем занят? Внедрил что-нибудь?

– Стою на распиле ДСП. – Толик продемонстрировал четырехпалую кисть правой руки. – Вот, распиловочным диском указательный снес. – Он на мгновение замялся. – Изобретения, внедрения... Да вот мое изобретение, –

притянул он к себе румяного сопливого мальчугана. – С радостью внедрил по самое не хочу!

Тут в разговор влезла жена.

– Спицын, кончай пошлить! – Она наградила Толика смачным подзатыльником. – Изобретатель хренов! Розетки висят на соплях, краны текут! Быстро домой! Придешь – сразу за работу!

Толик цыкнул на супругу, снова прижал к себе сына и коряво усмехнулся.

– Вернусь – проверю! – злобно предупредила жена. – Она достала из сумки смятый полиэтиленовый пакет и зашла в продуктовый магазин.

Толик протянул мне травмированную руку:

– Ладно, брат! Еще свидимся как-нибудь. Глядишь, пива хлебнем вдали от баб.

– Возможно, – обронил я без энтузиазма и, сев на скамейку, долго смотрел вслед удаляющемуся папаше.

«Как много у нас таких счастливых изобретателей», – пронзила меня внезапная мысль.

Я бросил в машину рюкзак и рванул домой, где меня ждал неоконченный рассказ об ударном прошлом нашего агентства.